

Какое-то время дни Клода проходили без происшествий. Жизнь в поместье была пасторальной, и несмотря на то, что он жил рядом с поместьем, ему казалось, что он живет где-то в горах, изолированный для духовного уединения, что, если подумать, было не совсем верно.

Он мало что делал в плане управления поместьем, так как большая часть всех забот была оставлена на чужую Сюри. Он лишь изредка заглядывал к ним, чтобы убедиться, что все в порядке. Супруги жили довольно долго, они вместе управляли поместьем всю свою сознательную жизнь и были далеко не так стары, чтобы не управляться самостоятельно. В результате большую часть времени он проводил, бродя по лесу в поисках трав, специй и минеральных камней для своих отваров и мазей, а также делая вышеупомянутое. Он готовил для себя сам и ел почти все время в одиночестве, хотя иногда приглашал Сюри на обед, обычно до или после которого собирались обсудить состояние поместья.

Несмотря на свои размеры, поместье почти не нуждалось в уходе, поскольку большая его часть была покрыта лесом естественного роста, поэтому большую часть времени пожилая пара проводила, ухаживая за своей личной землей - небольшим участком сельскохозяйственных угодий к западу от границ поместья. Они выращивали в основном черную пшеницу и картофель, пшеницу - летом и картофель - зимой, также они имели в хозяйстве две дюжины кур-несушек.

Слугам обычно не разрешалось заниматься никакими делами кроме их семей, поместья и лордов, за которыми они ухаживали и которым служили, но баронесса разрешила им обоим работать на небольшом участке земли. Она знала, что им почти нечего делать в ее отсутствие, так что это решение далось ей без проблем. Эти двое предложили ей эту идею с намерением поработать на участке леса и получить немного больше дохода для нее, но она настояла, чтобы они делали всё для себя. Она даже купила пару гектаров земли, которые они теперь обрабатывали сами, в награду за долгие годы службы, и настояла, чтобы они сохранили все доходы, которые земля приносит им.

Для нее они были семьей, они почти растили ее, пока король не взял ее и ее брата к себе, в конце концов, она считала своим долгом заботиться о них. Их дети выросли, поженились и последовали за ее братом к виконту, так что их семья продолжала служить семье, если не поместью. Для ней это имело смысл. Молодые были привязаны к ее брату, так как они были примерно одного возраста и выросли, почитая его, так что для них было естественно следовать за ним. Их родители, однако, провели всю свою сознательную жизнь, ухаживая за поместьем, и были привязаны к нему больше, чем кто-либо из Норманли. Они любили брата и сестру, да, но они были как дети. Эти двое наблюдали, как они растут. Они, брат и сестра, выросли и, как все дети, покинули дом, чтобы жить самостоятельно. Старики же просто хотели спокойно прожить остаток своей жизни, заботясь о поместье.

Поместье Норманли было родиной дома фен Норманли, и в течение двух поколений оно было их домом. Однако теперь это было скорее место уединения, чем дом. Мария все еще очень любила это место. Сельские дни, которые оно дарило ей, были драгоценным отдыхом от суеты столицы, которая, несомненно, также была причиной того, что предыдущие владельцы построили здесь свою виллу. Тишина была особенно ценна для ее более сложных

экспериментов.

Первоначально лес был посажен для заготовки древесины, но он простоял без ухода в течение пяти десятилетий и теперь был лесом во всем, кроме названия, все еще называемым Лесом Норманли. В целом лес занимал 486 гектаров земли, поглотив четыре больших холма, включая тот, на котором стояло поместье.

Сиори никогда не смогли бы управлять лесом, если бы он был просто лесом, если бы его нужно было поддерживать, как это было бы необходимо, но поскольку он был оставлен, чтобы стать естественным лесом, у них было мало работы. Им нужно было только время от времени патрулировать его, чтобы убедиться, что они знают о его состоянии и не пускают некоторых из наиболее разрушительных животных.

Клод мало занимался повседневным управлением лесом, хотя с энтузиазмом принялся его патрулировать. Особенно ему нравилось брать Джемми с собой на долгие прогулки в самые темные уголки долин между холмами и вдоль ручьев, которые их пересекали. Он не мог осмотреть все поместье за одну вылазку, но если бы он проводил час в день, патрулируя хорошей рысью, он мог бы охватить все это раз в неделю. Однако он редко проводил на коне всего час, так как обычно останавливался, чтобы нарвать травы или подстрелить заблудившегося зайца или белку. Больше всего его беспокоили нелегальные лесорубы, нескольких из которых он уже поймал.

Его добыча не была чем-то новым. Сиори всегда брали с собой в патрули корзины и раз в две недели продавали свою добычу на городском рынке. Однако Клод делал это гораздо реже. Сиори делали это главным образом для дополнительного дохода в перерывах между урожаями, но Клоду не нужен был дополнительный доход, поэтому он выбирал растения только для пополнения запасов.

Его дни снова проходили в школе, но вечера он проводил в поместье. Ближе к ночи он обычно выезжал на патрулирование верхом, а вечера после обеда посвящал занятиям и размышлениям. Он навещал свою семью раз в неделю, обычно по субботам, а воскресенья проводил в лаборатории, проводя эксперименты.

В эти дни он и его друзья редко проводили много времени вместе вне школы. У каждого тоже были свои заботы. Отец все больше и больше занимал Боркала, готовя его к тому, чтобы унаследовать семейный бизнес. Эрикссон и Великро были заняты в основном рыбной ловлей и парусным спортом. Все трое знали, что для Эрикссона это было главным образом предлогом находиться поблизости или на озере, чтобы узнавать что-нибудь об отце. Клод мог бы немного успокоить его своим надуманным утешением, но мальчик все еще глубоко переживал за отца.

Все время, что Клод потратил на свои отвары, он еще боролся с самым простым отваром, не говоря уже о мази. Он много совершенствовался, но даже сейчас он успешно завершал свои усовершенствования только три раза из десяти, если ему везло, и они обычно были довольно низкого качества и довольно неэффективны; он убивал своих испытуемых чаще, чем нет.

Его подданные, в первую очередь зайцы и белки, были на исходе, и ему пора было выйти и поймать еще несколько. Для сока, который он в последнее время пытался приготовить, ему требовался особенно большой набор предметов. Это была простая заживляющая смесь, которая могла залечить небольшие раны. В учебниках, которые он читал, говорилось, что качество смеси можно проверить по ее цвету. Чем прозрачнее варево, тем выше его качество и чище эффект, но Клоду еще предстояло сделать варево достаточно высокого качества, чтобы такая оценка стала возможной. Все его варева были всегда молочно-белыми, и даже их цвет был непоследовательным. Это заставило его испытывать их на животных, чтобы увидеть, насколько они эффективны или нет. Однако его силки начали изнашиваться, и пришло время их заменить.

Однако у него еще оставалась пара жирных зайцев и две индюшки, так что он хотел сначала испытать свое варево на них. Однако животные хорошо откормились за зиму, и ему не нравилось использовать их в качестве подопытных, а не в качестве пищи, но он должен был использовать то, что у него было.

- Бах! - крикнул Клод, и животное перестало вырываться.

Клод положил его на стол, животом к небу, кровь жадно бурлила в вырезанном в его животе ущелье, и откупорил маленький мерзкий стакан. Он вылил тонкую струйку молочно-желчно-зеленой жидкости вдоль пореза и наблюдал, как она смешивается с алой кровью в течение нескольких мгновений, прежде чем кипение в крови начало меняться. Поначалу это было жадное бульканье, как вода, счастливо журчащая из маленького фонтанчика, но теперь оно бурлило неистово, как соус, который варят на медленном огне до густого рагу. Кровь сгустилась, пузырясь и застывая, превратившись в черную корку над порезом.

Через полчаса струпья спали, обнажив под ними бледную кожу. Заяц, однако, был неподвижен, глаза остекленели. "Еще одна неудача." - вздохнул он. Мария предупредила его, чтобы он был осторожен и точен в своих измерениях. Очевидно, он не был ни осторожным, ни точным в достаточной мере.

Его мысли на мгновение отвлеклись, и он вспомнил адрес, который Мария дала ему перед отъездом. Адрес маленького магазинчика на черном рынке в городе. Может быть, он сможет купить там материалы, необходимые для создания массива.

Эта мысль вернула его к тому, что он и его госпожа по-разному относились к магии. Клод был прежде всего магом, а Мария - аптекарем и уже потом магом. Поэтому она посвятила себя изучению медицины без использования магии. Однако Клод не испытывал подобных угрызений совести. Почему он должен учиться без магии?

Он наслаждался мыслью о том, чтобы использовать массив для приготовления зелий вместо того, чтобы бороться, чтобы сделать стряпню вручную. Массив имел очень низкую частоту отказов, и нужно было действительно всё испортить, чтобы заставить его потерпеть неудачу, в отличие от стряпни, сделанной вручную без магии, которая терпела неудачу при малейшем неправильном измерении.

Он принял решение окунуться с головой в алхимию, бросил мертвого зайца Сиори и отправился в город на экипаже. Он заехал к своей семье на ужин. Его мать только начала готовить, когда он пришел, и он протянул ей зайца и индейку, которые принес с собой. Его маленькие братья и сестры заставляли его играть с ними и собакой, пока не был готов обед.

Арбайт проскользнул в дом со своим обычно безупречным выбором времени, когда дело дошло до ужина, молча проглотил еду и ушел так же быстро, как и пришел. С тех пор как Клод переехал в поместье, он стал презирать старшего брата еще больше. Засранец даже не потрудился поблагодарить его за мясо, которое он принес на ужин. Даже у собаки манеры были лучше, чем у него.

-Ты вернешься домой сразу после ужина? - спросила его мать, когда он проглотил последний кусок и допил остатки воды.

- Нет, - ответил он, - мне нужно заехать в город и кое-что купить.

- Прямо сейчас? Здесь нет магазинов, открытых так поздно. И не нужно тратить свои деньги на любой магазин, который все еще открыт. Они только обманут тебя! - его отец щебетал со своей обычной твердой бережливостью, - ты должен идти прямо домой. Уже поздно.

Клод не стал спорить с отцом. Он послушно направился к дому, пока дорога не свернула за угол, и он не скрылся из виду. Он оставил карету и лошадь на городской площади и направился к трущобам. Он мог бы взять её с собой, но не хотел раскрывать свою личность, не говоря уже о том, что это привлечет нежелательное внимание со стороны сомнительных личностей.

Ночь была неестественно темной на узких, тусклых улицах трущоб. То небольшое, что могла бы дать луна, было скрыто за обшарпанными выступами крыши. Только случайные пляшущие тени от оконных балок, благодаря свечам, освещали темноту. Но даже они постепенно исчезли, когда он достиг центра трущоб.

Он натянул капюшон на голову. Ему не нужно было закрывать лицо так сильно, как это было бы необходимо в самом городе, чтобы полностью скрыть его лицо, так что он мог видеть достаточно хорошо. Он все еще обматывал лицо тонкой тканью, хотя бы потому, что так ему было удобнее. Несмотря на темноту, он выделялся в своем одеянии, но по мере приближения к месту назначения все больше и больше пешеходов в переулках были одеты также.

Не все направлялись в тот же магазин, что и он. Олд-стрит была районом красных фонарей города, и многие другие развлечения там требовали такого же уровня осмотрительности. Остальная часть города была занята днем и пустынна ночью, за исключением нескольких таверн, но старая улица была пустынна днем и переполнена ночью.

По мере того как он приближался к дальнему концу улицы, все больше и больше магазинов было открыто. Перед большинством из них стояли скудно одетые женщины. Здесь присутствовали все возможные сочетания физических характеристик: молодые, старые, тощие, толстые, стройные, полные, светлые, темные и т. д.

Большинство людей шли медленно, не торопясь, чтобы изучить предложения каждого магазина, прежде чем двинуться дальше или направиться внутрь. На улице, несмотря на большое скопление народа, было тихо; люди говорили только шепотом и хриплыми, неузнаваемыми голосами.

Клод вздохнул. Он надеялся избежать худшего, придя пораньше, но, похоже, недооценил нетерпение похоти. Он осторожно нырнул между несколькими лисицами, парочка потянулась к нему, и снова скрылся в темноте. Он бросил последний взгляд на улицу и повернулся, чтобы свернуть в другой переулок, но был остановлен знакомым голосом. Его глаза проследили за этим звуком и остановились на старшем брате. Арбайт шептался с молодой женщиной всего в паре метров от Клода, договариваясь о цене за ее время.

- Отвали! Зачем вообще приезжать, если у тебя нет денег?! - она вдруг закричала. - Ты знаешь мою цену, и ни пенни меньше! И никаких расрочек для таких, как ты!

Клод с трудом сдержал смех и скользнул в темноту.

- Флауэрстоун-аллея, дом семнадцать, - прошептал он, остановившись перед старым зданием.

Переулок был крошечным, недостаточно большим даже для того, чтобы двое людей могли спокойно идти рядом, и черным, как бесконечная пустота за звездами. Четверо мужчин столпились в дверном проеме, слоняясь в непосредственной близости от него. Они старались выглядеть как можно более недоверчивыми, но Клод сразу узнал в них охранников. Они только посмотрели на него ледяным взглядом, а затем проигнорировали его.

Клод еще долго смотрел на эту сцену, потом сделал шаг вперед.

<http://tl.rulate.ru/book/18306/1060351>